

Агния Кузнецова

А душу твою люблю...

ФТМ

Агния Кузнецова (Маркова)

А душу твою люблю...

«ФТМ»

1982

Кузнецова (Маркова) А. А.

А душу твою люблю... / А. А. Кузнецова (Маркова) — «ФТМ»,
1982

«... Дверь открылась без предупреждения, и возникший в ее проеме Константин Карлович Данзас в расстегнутой верхней одежде, взволнованно проговорил прерывающимся голосом: – Наталья Николаевна! Не волнуйтесь. Все будет хорошо. Александр Сергеевич легко ранен... Она бросается в прихожую, ноги ее не держат. Прислоняется к стене и сквозь пелену уходящего сознания видит, как камердинер Никита несет Пушкина в кабинет, прижимая к себе, как ребенка. А распахнутая, сползающая шуба волочится по полу. – Будь спокойна. Ты ни в чем не виновна. Все будет хорошо, – одними губами говорит Пушкин и пытается улыбнуться. ...»

© Кузнецова (Маркова) А. А., 1982

© ФТМ, 1982

Содержание

Агния Кузнецова	5
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Агния Кузнецова
«А душу твою люблю...»
Повесть о Наталье Николаевне Пушкиной. Подлинные
письма и факты. Предположения. Раздумья.

*Гляделась ли ты в зеркало и уверилась ли ты, что с твоим лицом
ничего сравнить нельзя на свете, – а душу твою люблю я еще более твоего
лица.*

А. С. Пушкин – жене из Павловского

Шел 1863 год. С деревьев на мокрую землю медленно падали последние листья. Они цеплялись за голые ветви, как за единственную надежду продлить жизнь. А безжалостный, холодный дождь, редкий, но крупный, сразу же впечатывал их в землю, как в могилу.

Жухлая трава, прихваченная инеем, жалко клонилась в прощальном поклоне. Солнце, не доброе и не щедрое, пряталось за раздраженными сизыми тучами. Плакал ветер, бессильно бросаясь в окна петербургской квартиры Ланских, где умирала Наталья Николаевна.

Она лежала на кровати с откинутым пологом, под голубым шелковым одеялом, на высоко поднятых подушках, отороченных кружевами, протянув вдоль тела бессильные руки, и ее белое-белое исхудавшее лицо, с трагическим изломом левой брови и чуть косящим загадочным взглядом, устремленным теперь в неведомое для окружающих, как и прежде, было прекрасно.

Она не верила в то, что умирает. Даже приезд всех детей ее и Пушкина, кроме Натальи, которая находилась за границей, не убеждал в этом. Последние годы она часто болела. Ее нездоровье началось с судорог в ногах, точно таких же, как тогда, когда умирал Александр Сергеевич. Малейшие неприятности, связанные с детьми и мужем, Петром Петровичем Ланским, она переживала во много раз тяжелее, чем прежде. Для нее была трагедией неудавшаяся личная жизнь младшей дочери ее и Пушкина, Натальи, и то, что старшая, Мария, в свои двадцать восемь лет была еще не замужем.

Началась бессонница. Ночами тихонько, чтобы не разбудить мужа, она соскальзывала с постели и босая, в одной рубашке прокрадывалась из спальни в столовую, там бросалась на диван и, вцепившись зубами в платок, старалась заглушить сотрясающие ее рыдания. Потом она подолгу стояла у окна, смотрела на спящие петербургские дома с темными окнами, а на рассвете уходила в свою маленькую молельню, застланную ковром, увешанную образами, вставала на колени и шептала: «Боже! За что ты наказываешь меня?»

Она вспоминала всю свою жизнь с детства до последнего дня. «Нет, никогда, никому сознательно я не делала плохого... Может быть, ты, господь, наказываешь меня за второе замужество? Но семь лет я выполняла данный себе обет. А Пушкин, умирая, велел блюсти траур всего лишь два года...»

К бессоннице примешивалась гнетущая тоска, охватывала порой до мучительной физической боли. Иногда хотелось закричать или сделать что-то с собою, чтобы не жить, не страдать бессонницей. Но она знала, что такие мысли – великий грех, понимала, какое горе принесла бы детям, мужу, родным, и жила, стараясь скрыть от всех свое состояние.

Все чаще и чаще жизнь сама по себе казалась ей бессмысленной и жестокой, сердце изнывало тоской за родных, обреченных на страдания. О внучатах своих она думала в такие мгновения с отчаянием: представляя огромный, страшный мир, в который вот-вот бросит их судьба.

Наталья Николаевна лечилась за границей, болезнь сваливала ее вновь, но она все-таки поднималась и жила. Казалось, и теперь все будет так же.

Несколько лет тому назад по совету врачей Петр Петрович Ланской решил отправить жену на воды, хотя и знал, что ради себя она не оставит семью.

Вечером по тайной договоренности задержался домашний врач Ланских. На диване сидела Наталья Николаевна, усталая, исхудавшая, равнодушная ко всему, что происходило в столовой. Мария и Александра играли в шахматы в углу, за круглым столиком. Ланской разговаривал с врачом, пожилым, добродушным и настолько грузным, что, казалось, тело свое он с трудом втиснул между двух ручек кресла.

– Вот послушай, Таша, что думает Порфирий Андреевич, – сказал Петр Петрович.

Наталья Николаевна затушила пахитоску в хрустальной пепельнице и неторопливо повернула к мужчинам бледное, изможденное лицо.

– Я думаю, Наталья Николаевна, что мадемуазель Марии неплохо бы провести какое-то время в Годесберге, попринимать ванны. Да и вам такое лечение пошло бы на пользу. Эти лечебные воды были известны еще древним римлянам. Проверено, как видите, временем.

– Маменька! Поехали! – с восторгом воскликнула Мария, смешав на шахматной доске фигуры.

– А я? – надувая губки, спросила Александра.

– Ну и ты, разумеется, тоже, – поспешно ответил отец, опасаясь, как это часто случалось, капризной вспышки его старшей дочери.

– За совет спасибо, Порфирий Андреевич, – с мягкой улыбкой сказала Наталья Николаевна доктору, мысленно прикидывая, сколько же будет стоить такая поездка, – мы подумаем.

И все же, как ни сопротивлялась Наталья Николаевна, Петр Петрович настоял, чтобы она с Машей, Александрой и своей старшей сестрой, Александрой Николаевной, которая с 1834 года всегда находилась при ней, поехала лечиться за границу.

Наталья Николаевна, видимо, страдала истощением нервной системы и переутомлением, хотя точный диагноз не был поставлен и за границей. Она писала мужу:

Уверяю тебя, как только сколько-нибудь серьезно заболеешь, теряешь всякое доверие в медицинскую науку. У меня были три лучших врача и все разного мнения.

Из Бонна и Берлина Наталья Николаевна с семейством переехала в курортный городок Годесберг и поселилась в недорогом отеле. Она принимала ванны, пыталась любоваться природой, совсем не такой, как в родном Полотняном заводе или на петербургских дачах, старалась развлекать себя новыми знакомствами. Но тоска не отступала, и она писала мужу:

В глубине души такая печаль, что я не могу ее приписать ничему другому, как настоящей тоске по родине.

«Родина, – думала Наталья Николаевна потом, вспоминая ту поездку, – какая бы она ни была, для меня всю жизнь была священна. Вряд ли я могла бы жить вне своей родины, как мои сестры».

Из Годесберга она писала:

...личности, сидящие с нами за табльдотом, мало интересны, придется мне исправить эту ошибку. Мы, оказывается, были в обществе ни много, ни мало как принцев. Два принца... учатся в Боннском университете, старший из них – наследный принц. С ними еще был принц Липп-Детмольдский. Что касается этого последнего, то уверяю тебя, что Тетушка, рассмотрев его хорошенько в лорнетку, не решилась бы взять его и в лакеи... Эти дураки были бы очень удивлены, найдя в Петербурге такую роскошь, о какой не имеют и представления, и общество несравненно более образованное, чем они сами.

В 1862 году здоровье Натальи Николаевны стало еще хуже. К бессоннице и тяжелому настроению прибавился кашель. Ночи напролет она сидела в постели, опираясь на подушки, и засыпала только под утро. Уже без особых уговоров она провела зиму в Ницце, и ей полегчало. Окончательно здоровье ее было подорвано после поездки в Москву. Родные и близкие знакомые уговаривали не ездить. Но как же могла она оставаться в Петербурге, когда ее ждали на крестины внука, которого сын Александр в честь великого деда назвал Александром. Надо было посмотреть на младенца, сердцем матери порадоваться теплоту уюту семьи сына, который женился на Софье Александровне Ланской – племяннице мужа Натальи Николаевны. Столько было тогда хлопот, связанных со свадьбой! Брак долго не разрешали, считая жениха и невесту родственниками. С просьбой об этом браке Наталья Николаевна обращалась к императору. Тогда она еще могла сделать это...

Брак оказался счастливым, не то что у дочери Натальи, которая разошлась с мужем, имея трех крошек-детей. Больше года сопротивлялась Наталья Николаевна браку Натальи с Михаилом Леонтьевичем Дубельтом, ей не хотелось отдавать за него дочь потому, что он был сын всесильного жандарма, и потому, что жених был старше на четырнадцать лет, и, главное, потому, что все говорили о тяжелом характере Михаила Леонтьевича, о его увлечении карточной игрой. Но дочь все же настояла на своем.

Тоска за дочь истомила Наталью Николаевну, горькие мысли не покидали ее, но выхода из создавшегося положения она не видела. Двое Натальиных малюток теперь здесь, у Ланских. Только дочь Анну отец не отдавал Наталье, а так как служба его была связана с частыми поездками за границу, он возил всюду с собой и дочь.

Как-то в горькую минуту отчаяния Наталья Николаевна детям сказала, чтобы потом... письма к ней Александра Сергеевича, которые хранятся у сына Александра, были переданы Наталье Александровне – это наследство дорогое. Знала бы Наталья Николаевна, что пройдут годы, и ее Таша, возвратившись на родину, выйдет замуж за приехавшего в Россию принца Николая Вильгельма Нассауского! А перед венчанием ей будет пожалован титул графини Меренберг.

Но не дано человеку предвидеть будущее. Лежит Наталья Николаевна под голубым одеялом, по подушке разметались ее несобранные темные с проседью волосы. Часто приходит полузабытье. А в иные минуты ярким видением проносится прошлое. Вся жизнь. И особенно одно воспоминание неотвязно всплывает в памяти.

Тогда серое, серое петербургское утро, с ветром и мокрым снегом, сизое, угрожающее небо, нависшее над потемневшими домами, сменилось ясным холодным днем. Наталья Николаевна поехала за старшими детьми, которые были у княгини Мещерской – близкого друга Пушкиных. Обычно вешнее сердце Натальи Николаевны в тот день не чувало беды. Не заметила она и того, как, чуть свернув в сторону, ее сани пропустили встречные, в которых ехал Пушкин с Данзасом. Сердце-вещун и тут смолчало...

Александра Сергеевича ждали к обеду, а он опаздывал. Уже давно был накрыт стол. Из детской доносились мягкие удары мяча, грохот падающих игрушек, иногда голос няни.

Александра Николаевна, сбросив туфли, уютно устроилась в кресле в будуаре сестры, а та вспоминала со смехом, как вчера на балу у графини Разумовской сразилась в шахматной игре с иностранцем, о котором шла слава как о большом мастере, и обыграла его.

...Они сели за шахматный столик в небольшой комнате, друг против друга. Иностранец, пораженный красотой своей партнерши, некоторое время бездумно любовался ею. Потом опомнился и, быстрым, самоуверенным взглядом окинув окружавших их гостей, поглядывая на прекрасную русскую женщину, рискнувшую соревноваться с ним в шахматном искусстве, сказал снисходительно: «Ну что же, мадам, начнем?»

Наталья Николаевна молча кивнула.

И они начали играть. Когда он проиграл, графиня Разумовская, смеясь, сказала гостю: «Вот какие наши русские женщины!»

...И опять смолчало сердце-вещун. А в это самое время на Черной речке смертельно раненного Пушкина секунданты вели к саням.

В тревоге за приемного сына примчался к месту дуэли барон Геккерн. Пушкин не знал, что к дому привезли его в карете врага.

Наталья Николаевна подошла к окну и, узнав остановившуюся подле их дома карету Геккерна, в негодовании подозвала слугу:

– Передайте барону, что я не могу его принять.

Она возвратилась в будуар, собираясь рассказать сестре, что старик Геккерн, несмотря ни на что, снова приехал в их дом. Но вдруг сестры услышали поспешные шаги. «Это не шаги Александра Сергеевича», – подумала Наталья Николаевна, и в первый раз за этот день в тревожном предчувствии замерло ее сердце.

Александра Николаевна тоже прислушалась и побледнела. Она одна знала об оскорбительном письме Пушкина барону Геккерну, посланном вчера.

Пушкин писал:

Барон!

Позвольте мне подвести итог тому, что произошло недавно. Поведение вашего сына было мне известно уже давно и не могло быть для меня безразличным. Я довольствовался ролью наблюдателя, готовый вмешаться, когда сочту это своевременным. Случай, который во всякое другое время был бы мне крайне неприятен, весьма кстати вывел меня из затруднения: я получил анонимные письма. Я увидел, что время пришло, и воспользовался этим. Остальное вы знаете: я заставил вашего сына играть роль столь жалкую, что моя жена, удивленная такой трусостью и пошлостью, не могла удержаться от смеха, и то чувство, которое, быть может, и вызвала в ней эта великая и возвышенная страсть, угасло в презрении самом спокойном и отвращении вполне заслуженном.

Я вынужден признать, барон, что ваша собственная роль была не совсем прилична. Вы, представитель коронованной особы, вы отечески сводничали вашему сыну. По-видимому, всем его поведением (впрочем, в достаточной степени неловким) руководили вы. Это вы, вероятно, диктовали ему пошлости, которые он отпускал, и нелепости, которые он осмеливался писать. Подобно бесстыжней старухе, вы подстерегали мою жену по всем углам, чтобы говорить ей о любви вашего незаконнорожденного или так называемого сына; а когда, заболев сифилисом, он должен был сидеть дома, вы говорили, что он умирает от любви к ней; вы бормотали ей: верните мне моего сына.

Вы хорошо понимаете, барон, что после этого я не могу терпеть, чтобы моя семья имела какие бы то ни было сношения с вашей. Только на этом условии согласился я не давать хода этому грязному делу и не обесчестить вас в глазах дворов нашего и вашего, к чему я имел и возможность и намерение. Я не желаю, чтобы моя жена выслушивала впредь ваши отеческие увещания. Я не могу позволить, чтобы ваш сын, после своего мерзкого поведения, смел разговаривать с моей женой, и еще того менее – чтобы он отпускал ей казарменные каламбуры и разыгрывал преданность и несчастную любовь, тогда как он просто плут и подлец.

Итак, я вынужден обратиться к вам, чтобы просить вас положить конец всем этим проискам, если вы хотите избежать нового скандала, перед которым, конечно, я не остановлюсь.

Имею честь быть, барон, ваш нижайший и покорнейший слуга.

26 января 1837 г. Александр Пушкин.

А за два дня до этого Александра Николаевна писала брату Дмитрию в Полотняный завод:

Все кажется довольно спокойным. Жизнь молодоженов идет своим чередом, Катя у нас не бывает; она видится с Ташей у Тетушки и в свете. Что касается меня, то я иногда хожу к ней, я даже там один раз обедала, но признаюсь тебе откровенно, что я бываю там не без довольно тягостного чувства. Прежде всего я знаю, что это неприятно тому дому, где я живу, а во-вторых, мои отношения с дядей и племянником не из близких... Катя выиграла, я нахожусь, в отношении приличия, она чувствует себя лучше в доме, чем в первые дни: более спокойна, но, мне кажется, скорее печальна иногда. Она слишком умна, чтобы это показывать и слишком самолюбива тоже; поэтому она старается ввести меня в заблуждение, но у меня, я считаю, взгляд слишком пронзительный, чтобы этого не заметить.

В письмо это были вложены две неисписанные страницы почтовых листков. На обоих в середине написано:

Не читай этих двух страниц, я их нечаянно пропустила и там, может быть, скрыты тайны, которые должны остаться под белой бумагой.

Дальше, на следующем листке, Александра Николаевна продолжала:

Что касается остального, то что мне сказать? То, что происходит в этом подлом мире, мучает меня и наводит ужасную тоску. Я была бы так счастлива приехать отдохнуть на несколько месяцев в наш тихий дом в Заводе.

Дверь открылась без предупреждения, и возникший в ее проеме Константин Карлович Данзас в расстегнутой верхней одежде, взволнованно проговорил прерывающимся голосом:

– Наталья Николаевна! Не волнуйтесь. Все будет хорошо. Александр Сергеевич легко ранен...

Она бросается в прихожую, ноги ее не держат. Прислоняется к стене и сквозь пелену уходящего сознания видит, как камердинер Никита несет Пушкина в кабинет, прижимая к себе, как ребенка. А распахнутая, сползающая шуба волочится по полу.

– Будь спокойна. Ты ни в чем не виновна. Все будет хорошо, – одними губами говорит Пушкин и пытается улыбнуться.

Потом были ночи и дни, но когда была ночь и когда день, – она не знала. Не знала с той поры, когда ее самое потряс ее же безумный крик: «Пушкин! Ты будешь жить!» – и его лицо – величественное, спокойное и прекрасное, какого она не знала в прежней его жизни.

Иногда она приходила в сознание, видела тетушку Екатерину Ивановну Загряжскую, с багровыми пятнами на щеках, видела свою близкую приятельницу Юлию Павловну Строганову в слезах, с опухшими глазами, видела Веру Федоровну Вяземскую. Мелькнули в сознании Владимир Иванович Даль, доктор Пушкиных Иван Тимофеевич Спасский, придворный доктор Арендт, склоняющиеся над ней.

Графиня Дарья Федоровна Фикельмон – приятельница Пушкиных, жена австрийского посланника при короле обеих Сицилий – писала тогда:

Несчастную жену с большим трудом спасли от безумия, в которое ее, казалось, неудержимо влекло мрачное и горькое отчаяние.

Наталья Николаевна первый раз заплакала, когда привели детей, испуганно жавшихся друг к другу, не понимавших, что случилось с матерью и что происходит вокруг. Еще бы! Ведь Сашеньке, белокурому любимцу Пушкина, всего четвертый год; Машеньке, как две капли воды похожей на отца и курчавыми волосами и глазами в голубизну, – только четыре; толстощекому кудрявому Гришеньке – еще нет и двух, а восьмимесячную Ташу, беленькую, похожую на ангела, изображаемого на стенах церквей, держит на руках осунувшаяся, потрясенная Александра Николаевна.

– Азинька! – заломила руки Наталья Николаевна. – Азинька! Как же мы теперь без него? Что же теперь я?!

Она не знала, что в эти дни народ толпился не только в прихожей, но и во дворе, у дома и на улице. Не знала, что петербуржцы брали извозчиков, давая им адрес: «К Пушкину!» А Жуковский на дверях вывешивал бюллетень состояния здоровья Александра Сергеевича.

«Так принять смерть мог только Пушкин, это одна из сверхчеловеческих особенностей, из которых складывался гений», – думает теперь Наталья Николаевна, вспоминая тот день, 27 января 1837 года.

Накануне Пушкины поехали на бал к графине Разумовской. Было весело. В разгаре танцев Наталья Николаевна как-то вскользь заметила, что Пушкин танцевал несколько раз. Это ее удивило и обрадовало. Последнее время он не танцевал на балах и был мрачен... Он всегда-то на балах вел себя так, точно отбывал повинность, будто попал совсем не в свое общество. В небольшой же компании близких друзей не было никого веселее, остроумнее, интереснее его. Как любила Наталья Николаевна эти незабываемые встречи с друзьями!

На том последнем балу у Разумовской Наталья Николаевна слышала, как Пушкин просил Вяземского прислать очередную статью в «Современник». А потом она узнала, что, занимаясь деловыми разговорами и танцуя с дамами, он еще и тайно ото всех искал секунданта для завтрашней дуэли...

Ночью к Пушкину приезжал секундонт Дантеса д'Аршиак и передал вызов на дуэль. Он был подписан Геккерном, а внизу – приписка Дантеса: «Читано и одобрено мною».

Пушкин принял вызов.

Наталья Николаевна, утомившись на балу, крепко спала и ничего не слышала.

До 11 часов утра Пушкин работал, затворившись в кабинете. Читал сочинения Ишимовой. Написал ей письмо. В 11 часов позавтракал в одиночестве, потому что все завтракали раньше и уже разбрелись по комнатам.

Наталья Николаевна в своем будуаре подписывала счета. Она рассеянно перечитала их, не стала подсчитывать. Остановилась только на фразе: «Оплачено 222 рубля. Остается долга 314». Обмакнула перо в чернильницу, подписала: «Наталья Пушкина». И прислушалась: Александр Сергеевич был необычно весел, ходил по комнате и пел. В 12 дня она по голосу узнала, что приехал библиотекарь Цветаев. Из кабинета доносилась оживленная беседа. Дважды приносили письма. Наталья Николаевна не знала, что были они от секунданта Дантеса. Так она и сидела, подписывала счета и с улыбкой думала, что всегда быстрее, чем Пушкин, могла сосчитать большие суммы. Муж обычно удивлялся и говорил:

– У тебя, верно, немалые способности к математике. Вообще мужские способности – шахматистка, наездница... – И вспоминал, как в Лицее, когда преподаватель математики вызывал его к доске, он долго маялся с непонятными цифрами, не зная, что с ними делать. И когда тот с нетерпением спрашивал: «Ну, что в итоге, господин Пушкин?» – наугад отвечал: «В итоге

нуль». – «У вас, господин Пушкин, на моих уроках все кончается нулем. Садитесь и пишите стихи!»

В 12.30 Пушкин вышел на лестницу, но, видимо, почувствовал, что на улице холодно, вернулся и вместо бекеша надел шубу.

«...Так принять смерть мог только Пушкин», – снова думает Наталья Николаевна.

Умирая, он просил составить список долгов и подписал их. Он попросил Данзаса при нем сжечь какую-то бумагу. Он вынул из поданной ему шкатулки перстни и раздал их друзьям. Данзасу – с бирюзой, тот, что подарил ему когда-то лучший друг Нащокин, подарил со значением, чтобы кольцо это спасало от несчастий; Жуковскому – кольцо, когда-то подаренное графиней Воронцовой.

Он в эти последние часы думал не о себе, не о страшной загадочности смерти, а о детях, о Наталье Николаевне. Доктора поразились его мужеству. Друзья говорили ей потом, что в те моменты Пушкин сотворил с ними чудо: он примирил их со смертью.

Умирая, он просил передать Николаю I его просьбу заступиться за Данзаса, принимавшего участие в дуэли. Он любил Данзаса за его удивительную храбрость и хладнокровие, ценил его остроты и детскую беспечность, его пренебрежение к благам жизни. А вину свою перед другом он чувствовал остро в минуты смерти.

Князь П. А. Вяземский писал Д. В. Давыдову:

Еще сказал и повторил несколько раз Арендт <придворный врач> замечательное и прекрасное утешительное слово об этом несчастном приключении: «Для Пушкина жаль, что он не был убит на месте, потому что мучения его невыразимы; но для чести жены его – это счастье, что он остался жив. Никому из нас, видя его, нельзя сомневаться в невинности ее и в любви, которую к ней Пушкин сохранил».

Эти слова в устах Арендта, который не имел никакой личной связи с Пушкиным и был при нем, как был бы он при каждом другом в том же положении, удивительно выразительны. Надобно знать Арендта, его рассеянность, его привычку к подобным сценам, чтобы понять всю силу его впечатления. Стало быть, видимое им было так убедительно, так поразительно и полно истины, что пробудило и его внимание и им овладело.

А вот свидетельство княгини Е. Н. Мещерской-Карамзиной:

Посреди самых ужасных физических страданий (заставивших содрогнуться даже привычного к подобным сценам Арендта) Пушкин думал только о жене и о том, что она должна была чувствовать по его вине. В каждом промежутке между приступами мучительной боли он ее призывал, старался утешить, повторял, что считает ее неповинною в своей смерти и что никогда ни на одну минуту не лишил ее своего доверия и любви.

И еще, ее же:

В течение трех дней, в которые его тело оставалось в доме, множество людей всех возрастов и всякого звания непрерывно теснились пестрою толпою вокруг его гроба. Женщины, старики, дети, ученики, простолюдины в тулупах, а иные даже в лохмотьях, приходили поклониться праху любимого народного поэта. Нельзя было без умиления смотреть на эти плебейские почести, тогда как в наших позолоченных салонах и раздушенных будуарах едва ли кто-нибудь и сожалел о краткости его блестящего поприща. Слышались даже оскорбительные эпитеты и укоризны, которыми поносили память славного поэта и несчастного супруга, с изумительным мужеством принесшего свою жизнь в жертву чести, и в то же время раздавались похвалы

рыцарскому поведению гнусного обольстителя и проходимца, у которого было три отчества и два имени.

...Худошавая, немолодая женщина Констанция – воспитательница детей Ланских, добрый друг Натальи Николаевны – склоняется над больной и осторожным движением промокает полотенцем холодный пот на ее лбу.

– Констанция, – говорит Наталья Николаевна, – его внес тогда, как ребенка, Никита... Его верный дядька, Козлов Никита Тимофеевич. С детских лет он был около Александра Сергеевича. Умел играть на гитаре, на балалайке, сам сочинял стихи на темы народных сказок... Пушкин любил его, Констанция. Очень любил. Однажды Корф, соученик Пушкина по Лицею, ударил дядьку палкой, и Пушкин вызвал Корфа на дуэль. К счастью, дуэль не состоялась...

Констанция снова склоняется над Натальей Николаевной. Жалостливо глядит на нее большими, часто мигающими черными глазами.

– Сыщик Фогель, – продолжает чуть слышно Наталья Николаевна, – попытался подкупить дядьку, чтобы тот дал ему почитать стихи Пушкина. Но Никита все рассказал Александру Сергеевичу... Никита вместе с Тургеневым вез гроб Пушкина в Святогорский монастырь. Ехал, обняв гроб, покрытый рогожей. Гроб, Констанция, обит был алым бархатом... Ехали в зимнюю стужу... Александр Иванович Тургенев рассказывал мне потом, что Никита не ел и не пил, не отходил от гроба своего барина... А когда после похорон Пушкина он возвратился в Петербург, то на коленях умолял опекунский совет взять его в опеку рассылным. И его взяли. Поняли, что сердце старика не будет спокойным, если он не станет делать хотя бы что-то для семьи Пушкина.

Наталья Николаевна закрывает глаза, лежит молча, не выпуская из своей ладони руку Констанции, и та стоит перед кроватью в неудобной позе, склонившись, олицетворяя своей фигурой живое сострадание.

– И так же любила его няня Арина Родионовна. Как горевал Александр Сергеевич, когда она умерла. Я даже помню, Констанция, ее письмо, писанное под диктовку. Вот послушай: «Вы у меня беспрестанно в сердце и на уме. И только когда засну, то забуду вас... Я вас буду ожидать и молить бога, чтобы он дал нам свидеться... Приезжай, мой ангел, всех лошадей на дорогу выставлю... Остаюсь вас много любящая няня ваша Арина Родионовна». А какие сказки она рассказывала! У нее было четверо детей. Александр Сергеевич знал всех. Арина Родионовна была крепостная Ганнибалов. А потом ей дали вольную, но она все равно осталась у Пушкиных, нянчила Ольгу, Александра, Льва... Дядька Никита был женат на дочери Арины Родионовны Надежде Федоровне... А когда Пушкин возвратился из ссылки, из Михайловского, то Арину Родионовну взяла к себе его сестра – Ольга Сергеевна. Она вышла замуж против воли родителей: тайно обвенчалась с Павлицевым. Пушкин этот ее поступок называл «шалости Ольги...».

Наталья Николаевна забывается, разжимает руку Констанции, и ей снова вспоминается: Москва, вьюжный февраль 1831 года, церковь Большого Вознесения на Никитской улице. Она в венчальном платье, с длинным шлейфом; прозрачная фата ниспадает с головы, украшенной белыми цветами, скользит по открытым плечам на спину. Как она хороша, это чувствуется по восторженным взглядам родных и знакомых, собравшихся здесь. А Пушкин – тот ничего не замечает, кроме нее. Встретится с ее взглядом горящими голубыми глазами, и читает Наталья Николаевна в них счастье безграничное, любовь безудержную. И у Натальи Николаевны сердце замирает от счастья и какого-то неясного страха перед будущим. Она любит Пушкина. Она горда тем, что он – знаменитый русский поэт – выбрал ее подругою жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.